

К 80 - ЛЕТИЮ М.К. МАМАРДАШВИЛИ:
НА ПУТИ К АГОРЕ
(Мотивирующий потенциал философствования
М.К. Мамардашвили)

Тарасов Ф.В. (Тюмень)

...Прямо есть добро. Но прямо нет добра.
М.К. Мамардашвили

12 декабря 2010 года состоялась Школа молодых учёных, посвящённая 80-летию М.К. Мамардашвили. Чем она стала и что она показала? Собрав молодых учёных, студентов и аспирантов, организаторы предложили вспомнить и обсудить философские идеи и личность М.К. Мамардашвили. В результате участники этой школы получили прекрасную возможность не только поучиться у известных философов, но и включиться в процесс, который вслед за Мерабом Константиновичем можно назвать «мышлением вслух» — именно так сам он определял философию. Обсуждались взгляды М.К. Мамардашвили на национальный вопрос, его понимание философии, сознания, гражданского общества, его творческие связи с А.М. Пятигорским, отношение к И. Канту и многое другое. Резонанс среди собравшейся аудитории наглядно продемонстрировал то, что интерес к творческому наследию М.К. Мамардашвили не только не исчерпан, но и продолжает охватывать новые поколения философствующих. Не обошлось и без полемики, но как может быть иначе: подлинное мышление не знает пассивности восприятия, бездумного уверования в чей-либо авторитет, отсутствия собственных усилий в актах осмысления. Обсуждалась и социальная значимость философских идей М.К. Мамардашвили. И это вполне понятно: ведь можно говорить о существенном мотивирующем значении его философии. Его философствование имеет ощутимый педагогический эффект. Отметим некоторые аспекты его философского наследия, в которых это отразилось. Мераб Константинович ввёл хорошо известный теперь «принцип трёх К» — Картезия, Канта и Кафки. Первый же принцип — Картезия, основывающийся на известном постулате *cogito ergo sum*, раскрывается им через активное, волящее начало субъекта мышления, «принцип *cogito* утверждает, что возможность

способна реализоваться *только мной* при условии моего собственного труда и духовного усилия по своему освобождению и развитию <...>. В вечно становящемся мире для меня и моего действия всегда есть место, если я готов начать всё сначала, начать от себя ставшего»¹. М.К. Мамардашвили полагал, что ключом к пониманию декартовского подхода является осознание именно способности субъекта к мышлению: «я мыслю, я существую, я могу»². Не меньшим мотивирующим потенциалом обладает и его установка на то, что необходимо применять своеобразные «“мускулы мысли”, наращиваемые на базе некоторых первоактов»³. Иными словами, мысль не только должна возникнуть, но её нужно суметь *удержать*, и это усилие в акте мышления является перманентным требованием для мыслящего субъекта. Он осуждает отношение к мышлению как удовлетворению неких «естественных потребностей»: по мнению Мераба Константиновича, мышление — это всегда завоевание, снова и снова, притом завоевание, необходимым условием которого является публичность. Ибо только в обсуждении, столкновении разных подходов, в полемике, в своеобразном синергийном процессе мышление проходит этапы становления. Предлагает философ и ограничители, главным из которых можно назвать цивилизованность. М.К. Мамардашвили утверждал: «Энергия зла черпается из... уверенности в видении истины»⁴. Только культурно-правовые, надситуативные принципы цивилизованности, реализуемые в сфере публичности, способны помочь удержать мышление и взаимодействие между мыслящими субъектами на уровне конструктивных коммуникаций. Из этих философских рассуждений у М.К. Мамардашвили формируются вполне конкретные исторические выводы. В частности, он настойчиво напоминает, что с любых высот культуры можно всегда сорваться в бездну⁵, что хаос и бескультурие «окружают каждую историческую точку»⁶, и констатирует, что в данный момент времени мы находимся в состоянии катастрофы, имея в виду «катастрофу антропологическую, то есть перерождение каким-то последовательным рядом превращений человеческого сознания в

¹ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. С. 12–13.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ См.: Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 101.

сторону антимира теней или образов, которые, в свою очередь, тени не отбрасывают, перерождение в некоторое зазеркалье, составленное из имитации жизни»¹. Эту угрозу Мераб Константинович воспринимал всерьёз, но предлагал противодействовать ей не путём радикальных мер, расходящихся с принципами цивилизованности, а другим путём, контуры которого он обозначал, обращаясь к теме агоры. Агору М.К. Мамардашвили рассматривал не только как конкретный исторический феномен, но и как символ. По его мнению, «символы, или смыслы... являются тем запасом и фоном, откуда мы черпаем возможности...»². Агора для Мераба Константиновича — символ социального участия, гражданского общества, стремления к предельной артикулированности общественных позиций, взаимотерпимости. Агора также — антипод по отношению к привычке перекладывать ответственность на какие-либо авторитеты и любые внешние факторы; это же он относил к привычке индивидов целиком и во всём перелagать ответственность на государство, на тиранов, «на барина», подчёркивая, что тираны не возникают сами по себе и существует принцип взаимозависимости и взаимообусловленности явлений. М.К. Мамардашвили отмечал: «...нет ничего, что не имело бы ко мне отношения, и нет делегирования мысли, делегирования ответственности... для общества ценны мысли любого его члена <...>. Он личность, и важно, что он думает о происходящем, в том числе и о том, что пытаются объявить своей монополией политики. В современном взаимосвязанном мире не существует такой монополии»³. Полагая, что философ не должен становиться политиком, так как философ «нуждается в одиночестве и тишине»⁴, он понимал: всё, что делает и говорит философ, всё, что делал и говорил он сам, — это уже и политика в определённом смысле, ибо имеет политический и идеологический эффект. Именно поэтому его социальные задачи были сосредоточены в большей степени не на борьбе с какими-то конкретными людьми или политическими направлениями, на борьбе за становление мышления в себе и в трансляции этого отрефлектированного опыта другим. Мерабу Константиновичу был чужд дух утопизма, он считал, что наиболее эф-

¹ Там же. С. 104.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 269.

⁴ Там же. С. 258.

фективно руководствоваться целесообразностью без цели¹. И этот подход также обладает мотивирующим потенциалом, так как, по его верному наблюдению, часто постановка цели, кажущейся недостижимой, может привести к пассивности в мышлении и в других отношениях. Ещё один важный принцип, побуждающий к активной трансформации бытия — это принцип непосредственности, который М.К. Мамардашвили применял при рассмотрении гражданского общества, или принцип необходимости труда, так как добро (хотя, на наш взгляд, точнее было бы применить термин «благо») не бывает естественным, нет какого-то прямого и лёгкого его достижения, путь к нему всегда опосредован усилиями, трудом. Мераб Константинович утверждал: «Божьи жернова мелют очень медленно, но основательно. Поэтому приходится строить какую-то идеальность, не ожидая, что она реализуется за время твоей жизни»².

Надо отметить, что и конференция, посвящённая 80-летию М.К. Мамардашвили, и школа молодых учёных — это те всходы, которые также связаны с создававшейся им идеальностью.

В своём учительствующем, мотивирующем философствовании, в своём «мышлении вслух» М.К. Мамардашвили не придерживался «прямого» пути, не в смысле отсутствия внутренней прямооты и ясности мышления, но в отношении продуманности стратегии. Вместо того чтобы «рубить с плеча» и ориентировать на краткосрочные и неэффективные «прямые» поступки, базирующиеся на несостоявшихся актах мышления, он, будучи философом, выбирал дальнедействующую стратегию, отчётливо понимая, что «...прямо есть добро. Но прямо нет добра»³. И этот непростой философский путь был его путём, дорогой, ведущей к удержанной его мышлением агоре.

¹ См.: Там же. С. 150.

² Там же. С. 278.

³ Там же. С. 166.